

Патриарх реформ

ПЕРСОНА

Нысокий, коренастый человек. Большая голова, огромный выпуклый лоб, широкий нос. Кустистые, дромучие брови вразлет. Седина на висках. Внимательный, прямой и умный взгляд. И неожиданно мягкая, почти детская улыбка; ее почему-то не улавливают фото- и кинокамеры. Издалека он слегка смахивает на актера Евгения Леонова; без форсированного актерского обаяния, но с той же симпатичной демократической простотой в манерах.

Нечастые встречи с Александром Николаевичем Яковлевым оставляют сильное и долгое чувство. Понимаешь, что судьба наградила тебя знакомством и общением с личностью, каких в нынешней России немного. Да и во всем мире такие люди составляют лишь малую долю: отборное человечество... Человек очень определенных взглядов и внятных слов, внутренне прочный, крепко стоящий на своем, говорящий без недомолвок и на вопросы отвечающий без лукавства. Мыслитель, общественный деятель, историческое лицо.

Есть у него в наружности и манерах и немало от хорошего старого школьного учителя (в молодости он успел поработать учителем в сельской школе). Его легко можно представить сейчас директором школы или детского дома; и с не меньшими основаниями — Президентом России.

Ему восемьдесят. Он бодр духом, крепок памятью, а в интеллектуальных ристалищах и публичной полемике даст вам фору... Твердый, четкий, мужественный человек. Крепкий старик, о возрасте которого напоминает только тяжелая, медленная поступь. Небеса так одаривают не каждого. Мне памятна, признаться, всего несколько человек, которые при завидном долголетии отличались и в самые зрелые лета столь убедительной и очевидной человеческой значительностью. И вот что я заметил. Это, как правило, люди, которым много пришлось перенести, но которые держали в своей жизни какую-то важную победу.

Без пустой комплиментарности, а по самой главной сути можно и Яковлева назвать победителем. Над обстоятельствами. И, что еще важнее и многократно труднее, над собой.

В его жизни было несколько критических, кризисных ситуаций. Таких, когда человек проверяется на излом.

Задвинули от греха подальше с глаз: в мягкую ссылку, в Канаду, на долгие десятилетия.

Одна из главных тем его жизни — свобода. Скажем даже так: русская свобода. Ей он посвятил себя. Его великая и не вполне еще оцененная роль в нашей истории — огромный вклад в освобождение России из-под духовного гнета, в избавление от кургузых идеологических догм, от цензурного насилия над человеческой душой.

Путь его парадоксален. Свободе он пытался открыть дорогу из мутных недр косного бюрократического аппарата советских времен. Этот проект — гуманизировать тогдашний общественный строй изнутри — был в те времена в большом ходу. Казалось, что только так и можно хоть что-то поменять в стране, заблудившейся среди химер, завязшей в болоте утопии.

Вот и вышло, что он работал внутри системы на ее подрыв.

Яковлев нередко вспоминает случай из своей жизни, одну из вех, откуда начинался отчет его сомнениям. Это было в начале 50-х. Яковлев работал тогда в ярославском обкоме. Вокруг кипела «борьба с космополитизмом», а смысл ее был в том, чтобы советские люди не смели бросать любопытные взгляды на Запад, а также чтоб найти и заклеить внутреннего врага, на роль которого Сталин выбрал тогда евреев. И вот в разгар этой самой кампании на него поступила в ЦК клевета-анонимка. Яковлева обвинили в пассивно-

фото Дмитрия ШИМАНСКОГО.

В 60-е годы Яковлев — один из партийных либералов. Чехословацкие товарищи пробовали тогда заменить суровый оскал сталинизма социализмом с человеческим лицом. Это привлекало симпатии, казалось реальной альтернативой советскому тоталитаризму. Начать, а там посмотрим. Шаг за шагом. Он с удовольствием вспоминает, например, как ему удалось в середине 60-х провести хитроумную интригу, целью которой была отмена глушицы зарубежных радиостанций — «Голос Америки», «Свобода», Би-би-си... «Люди должны иметь информацию о мире, в котором они живут!» — так он считал. А своих партийных начальников убеждал создать конкурентоспособную альтернативу. Важным результатом той интриги было появление радио «Маяк» — первой в стране информационно-музыкальной станции.

ологический декорум испытанными средствами партийной цензуры и гэбэшного террора.

Не только Яковлеву, но и вообще людям идеи (какой бы то ни было идеи!) было в те времена и невыносимо скучно, и невыносимо тяжело жить. Жизнь духа, в борении идей и страстей, казалось, покидала Россию. Народ вырождался, мельчал, спивался... На глазах иссякала вера, правило бал лицемерие, а страна, подсевшая на нефтяную иглу, как отпущенный наркоман, не думала о будущем, ловя минутный кайф. А между тем ветшали и гнили основы строя, и когда этот дом на песке зашатался, не нашлось практически никого, чтобы подставить свое плечо и не допустить падения. На новые вызовы страна уже не умела ответить, не пройдя через очистительный огонь исторического испытания.

Это уже потом появились пла-

И еще: чаемая им свобода стала и его внутренней сутью. Он живет не по уставу. Размышляет, ищет. По складу ума и характера Яковлев всегда был склонен доверять жизни в ее вольном движении. Он ни в какой степени не догматик и не фанатик; кабинетной отвлеченности нет в нем ни грама. «Предатель!» — кричат ему те, кто увяз в прошлом, коснея в догмах. А для него настоящим предательством было бы остаться вместе с ними, с той человеконенавистнической идеологией и практикой, с кремлевским вурдалаком Сталиным и его присными.

В его последний приезд в Ярославль разные люди пришли на встречу с ним в областную библиотеку. Одни послушать, задать вопросы. Другие, актив нашей местной компартии, — помитинговать. С фанатической одержимостью они выкрикивали злые лозунговые слова, вымещая на Яковлеве нынешнюю свою горькую стариковскую жизнь.

Кому-то нужен был скандал. Но настоящего скандала, пожалуй, не получилось. Только на какое-то время зал прератился в дискуссионный клуб, где там и тут кипели споры и прения. Нашлось в зале и немало друзей Яковлева, горячо его поддержавших. А потом разговор Александра Николаевича с ярославцами пошел своим чередом. Но почти сразу гость сказал о том, что в свои глубокие лета считает, должно быть, важнейшим. О своем пока янии.

Тем же вечером на одном из ярославских телеканалов изуст неглубокого, в общем, репортажа прозвучало: Яковлев-де казался за то, что разрушил Союз... Да нет, ребята. Вы не поняли. Или не в курсе.

С Союзом вообще не все так просто. В 91-м Яковлев успешно отстаивал идею конфедерации — и как знать, если бы она была реализована, мы бы, может статься, имели сейчас другую страну. Тогда он,

вины, которое не могут не испытывать люди с совестью за то плохое и страшное, что происходило при их молчаливом попустительстве или даже при пассивном участии...

Невменяемые ничего не поняли и ничему не научились. А он сделал шаг к метанойе. К духовной перемене то есть, к обновлению души. «Я до сих пор каюсь». «Мне снятся и погибшие в войну, и те, которым могила — вся страна. О ком Солухин писал: кладбище, а не страна. Еще России выходить из этой грязи, выходить и выходить».

Теперь думаешь: а что было бы, порви Яковлев раньше с путаником Горбачевым и с отмирающей партией, возглавляющей демократов и либералов первого призыва? Но не нашлось у него тогда авантюрной жилки. Он до последней крайности хранил верность генсеку-реформатору, являя собой внутривластный демократический полюс и противостоя Лигачеву, Полозкову и прочим тогдашним реакционерам.

Яковлев принимал огонь на себя. Помните его выступление на последнем съезде КПСС: «Укоротить мою жизнь вы можете. Но заставить врать, замолчать — не заставите никогда?»

«Предатель!» — кричат Яковлеву те, кто увяз в прошлом. А для него настоящим предательством было бы остаться вместе с той человеконенавистнической идеологией и практикой, с кремлевским вурдалаком Сталиным и его присными.

Однажды его противники даже заслали на его родину в Красные Ткачи своего рода научную экспедицию — с целью найти у него еврейские корни. Чтобы, значит, скомпрометировать (а перед кем?)... Были разочарованы. А на первой антиперестроечной демонстрации на Красной площади несли и вовсе дурацкий плакат: «Уничтожить Яковлева — значит уничтожить сионизм».

Яковлев считает, что общество не смогло распорядиться обретенной свободой, которая для многих оказалась как гром с ясного неба. Вроде бы не всем она и нужна. Чрезмерный дар! «Люди не поняли, что с этой свободой делать». А те, кто ею все-таки воспользовался, иной раз вовсе не думали о социальной солидарности и поддержке слабых. Да и количество рисков в свободном обществе не меньше, чем в обществе порабощенном.

Он рассказывает, как доброты вроде него ходили целой делегацией к президенту: не нужен нам этот советский гимн, это издевательство над людьми, над жертвами режима... Тот послушал, потом спросил: и сколько вас таких? Процентом пять или десять, отвечают. И слышат резюме: какой народ, такие и песни. Так ответил Путин. А Яковлев теперь цитирует поэта Максимилиана Волошина: мы устали от свободы и требуем цепей. «Раб свободы не любит. Она ему не нужна».

Сбылось не все, и это очевидно. Однако он и не думал никогда, что история движется вперед по плану, который для нее составляют теоретики. Еще потому он не любит Ленина и Бухарина с их попыткой прово-

нает он одиозного телеобозревателя Л., метнувшегося из крайних либералов в оголтелые государственники. Тот договорился уже и до того, что решался вслух произнести даже не каждый советский идеолог: всякий-де, кто критикует власть, входит в пятую колонну. «Мне обидно за тех, кто так быстро переключился. Готов к услужению». И все-таки он верит в журналистику — «пока что единственную частичку гражданского общества в России» — и с благодарностью вспоминает о трех с половиной годах своей работы в «Северном», когда он «впервые начал что-то понимать».

На фоне уныния, которое столь часто владеет сегодня самыми светлыми умами, Яковлев производит неизгладимое впечатление своей верой в Россию. Он — исторический оптимист. «Я верю, что Россия найдет себя на пути демократии и свободы. Другого пути нет».

Мне нравится его чеканная формула, несколько не устаревшая за те десять лет, которые прошли с момента выхода у нас в Ярославле его книги «Горькая чаша». Он написал там о том, что ныне лежит на весах: «Историческое время обладает сверхтекучестью, и оно уже бросило нам не один вызов — внешний и внутренний. Выжить или погибнуть — военный вызов. Выздоровливать или деградировать и дальше — экологический вызов. Собраться с силами или безнадежно отстать — технологический вызов. Свободно создавать красоту или впасть в пошлость — духовный вызов».

Он знает и то, что «замысел никогда не сохраняется в нетронутым виде» и что жизнь свое таки возьмет. «Люди не слышат шелест переворачивающихся страниц истории». Но страницы все-таки шелестят.

И потому, для новой России, он собирается засесть за новую книгу, об октябрьской контрреволюции 17-го года. А когда его спрашивают о том, как жить, когда все идет наперекосяк, во дни великой путаницы, он отвечает с высоты своих лет: «Что делать? Ребята, будьте честными. Не теряйте себя. Будьте людьми... Ты человек. Ты еще понадобишься сам себе. Ну, два года пройдет не в дугу. Но через два года ты будешь в дугу... Совесть не

каждого. Мне кажется, пришло время, всего несколько человек, которые при завидном долголетии отличались и в самые зрелые лета столь убедительной и очевидной человеческой значительностью. И вот что я заметил. Это, как правило, люди, которым много пришлось перенести, но которые одержали в своей жизни какую-то важную победу.

Без пустой комплиментарности, а по самой главной сути можно и Яковлева назвать победителем. Над обстоятельствами. И, что еще важнее и многократно труднее, над собой.

В его жизни было несколько критических, кризисных ситуаций. Таких, когда человек проверяется на излом.

1941 – 1942. Молоденький, едва из школы, Саша Яковлев – на передовой. Он – командир ближайшей разведки на Волховском фронте, в морской пехоте. Военная смерть косила там людей широкой косой. А таких, как он, неперившихся лейтенантов убивали в то лихолетье первыми. Яковлев получил тяжелую рану – но Провидение позаботилось о нем: выжил.

1956. XX съезд КПСС. Секретный доклад Хрущева о культе личности. Критика Сталина потрясла Яковлева. Он тогда сразу ушел из ЦК, решил, что нужно учиться, набрать знаний. А потом Яковлев охотно откликнулся на предложение стать ректором Ярославского пединститута, истфак которого он когда-то закончил. Поректорствовать, правда, не получилось. Из Москвы его не отпустили.

1973. Его статья в «Литературной газете» стала одной из первых открытых попыток противостоять махровым побегам русско-фашизма. Против ультранационализма и ксенофобии он попытался взять в союзники «классиков марксизма». Получился принципиальный вызов, радикализм которого напугал партначальство. Самовольщика Яковлева

среди химер, завязшей в болоте утопии.

Вот и вышло, что он работал внутри системы на ее подрыв.

Яковлев нередко вспоминает случай из своей жизни, одну из вех, откуда начинался отчет его сомнениям. Это было в начале 50-х. Яковлев работал тогда в Ярославском обкоме. Вокруг кипела «борьба с космополитизмом», а смысл ее был в том, чтобы советские люди не смели бросать любопытные взгляды на Запад, а также чтоб найти и заклеить внутреннего врага, на роль которого Сталин выбрал тогда евреев. И вот в разгар этой самой кампании на него поступила в ЦК клевета-анонимка. Яковлева обвиняли в пассивно-

стическим лицом. Это привлекало симпатии, казалось реальной альтернативой советскому тоталитаризму. Начать, а там посмотрим. Шаг за шагом. Он с удовольствием вспоминает, например, как ему удалось в середине 60-х провести хитроумную интригу, целью которой была отмена глушения зарубежных радиостанций – «Голос Америки», «Свобода», Би-би-си... «Люди должны иметь информацию о мире, в котором они живут!» – так он считал. А своих партийных начальников убеждал создать конкурентоспособную альтернативу. Важным результатом той интриги было появление радио «Маяк» – первой в стране информационно-музыкальной станции.

Александра Николаевича Яковлева легко можно представить сейчас директором школы или детского дома; и с не меньшими основаниями – Президентом России.

сти. Его вызвали на проработку в Москву, к Шкирятову, мрачному партинквизитору сталинской ковки... Потом кампания схлынула, но Шкирятов вызвал его снова. Снова анонимка, но теперь его уже обвинили в перегибах, то есть в том, что боролся он чересчур усердно!

Самое смешное, что обе анонимки, как выяснилось, написал один человек. Но попутно Яковлеву представился повод увидеть, что линия партии – это иррациональный зигзаг, а партбоссы могут менять убеждения как перчатки. Не тогда ли он впервые почувствовал себя чужим среди своих?

Как действовать, когда все острее ощущаешь свое несовершенство с генеральной линией? «Нужно себя сохранить. Во что бы то ни стало сохрани себя!» Таков его ответ и урок.

«А потом пришел 68-й год, советские танки вошли в Прагу, и Андропов вернул глушение зарубежных голосов...» Это был сильный удар по иллюзиям. Не состоялось тогда у социализма человеческое лицо. Мало того, возникли сомнения в том, что такое вообще возможно. А об Андропове он и теперь говорит с неизжитым чувством: «Я его хорошо знал. Сталинист! Громил! Какие гнусные записки он писал в ЦК про Сахарова, Солженицына, Окуджава. А его сейчас подают прогрессистом...»

Есть ли что-то более унылое и серое в нашей с вами истории, чем этот период, с 68-го по 85-й? Застой. Заторможенная власть вступила с обществом в негласный договор, удовлетворяясь внешней, напоказ покорностью и почти уже не требуя большего. Кремлевские старцы блюли иде-

ею) было в те времена и невыносимо скучно, и невыносимо тяжело жить. Жизнь духа, в боре идей и страстей, казалось, покидала Россию. Народ вырождался, мельчал, спивался... На глазах иссыкала вера, правило бал лицемерие, а страна, подсевшая на нефтяную иглу, как отпечетый наркоман, не думала о будущем, ловя минутный кайф. А между тем ветшали и гнили основы строя, и когда этот дом на песке зашатался, не нашлось практически никого, чтобы подставить свое плечо и не допустить падения. На новые вызовы страна уже не умела ответить, не пройдя через очистительный огонь исторического испытания.

Это уже потом появились плакальщики-витии, гнорющие по всему советскому. Уже потом иным гражданам прошлое стало являться манящей грезой. Некоторые и теперь не могут простить Яковлеву того, что они лишились сомнительного удовольствия ездить в Москву из Ярославля за колбасой по 2.20.

Оставить свой личный след в истории России удается не каждому. У Яковлева это получилось. Его звездный час – почти на семь лет. 1985 – 1991 годы: время, которое и по сию пору называют обычно перестройкой. Сам Яковлев предпочитает, однако, говорить о русской реформации.

Замечательное было время волнений, надежд и тревог, поисков, ошибок и находок, открытое будущему. Те, кто жил тогда и пытался участвовать в обновлении мира, не забудут его. «Надо было кончать с холодной войной, репрессиями, контролем над головами людей, антирелигиозной политикой. И мы это сделали».

«Для меня в 85-м году было первое, чтобы человек стал свободным». Эта его главная миссия исполнена, и он это знает. Возможно, и отсюда, от этого знания, то, что замечает в нем со стороны: внутренняя уверенность, умудренный покой.

иснился за то, что разрушил оюз... Да нет, ребята. Вы не поняли. Или не в курсе.

С Союзом вообще не все так просто. В 91-м Яковлев безуспешно отстаивал идею конфедерации – и как знает, если бы она была реализована, мы бы, может статься, имели сейчас другую страну. Тогда он,

Фото Дмитрия ШИМАНСКОГО

еще перед путчем, вышел в полную отставку, из принципа, не согласившись с двусмысленным курсом Горбачева...

Нет, яковлевское покаяние – оно за то зло, какое принес России большевистский режим, за миллионы превращенных в лагерную пыль, за то, что, не будучи лично причастным к этим преступлениям, он все-таки состоял в той партии и работал в ее аппарате. Это покаяние, в котором когда-то снял свой великий фильм Тенгиз Абуладзе. Это то чувство

учную экспедицию – с целью найти у него еврейские корни. Чтобы, значит, скомпрометировать (а перед кем?)... Были разочарованы. А на первой антиперестроечной демонстрации на Красной площади несли и вовсе дурацкий плакат: «Уничтожить Яковлева – значит уничтожить сионизм».

Наверное, был у Яковлева на рубеже 90-х годов шанс стать неплохим президентом свободной страны. По крайней мере он был подготовлен к этому всем своим жизненным опытом во много раз лучше бабовны удачи Ельцина. Но историю не перепишешь.

Прошло почти двадцать лет с момента начала перестройки. И что же случилось с русской свободой, с теми идеалами, ради которых брался он за реформирование общества в середине 80-х?

оолю Яковлев ведет как председатель комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Оказывается, это по-прежнему для многих важно. А еще он издает документы советской эпохи, задумав выпустить 60 томов, в которых отражены жизнь страны и политика власти в России XX века.

«Дела обстоят прекрасно. Но не безнадежно». Так он шутит. Пугливые пугаются и сегодня. Но свободное слово остань уже нельзя. «Вернуть Россию назад невозможно». Много чего может еще в России случиться, но уже невозможно представить себе вернувшимся тот тупой и страшный зажим, в котором мы когда-то жили. Авторитарный режим, это да. Но все-таки уже не нужно держать наготове котомку.

Недобрым словом вспоми-

сел никогда не сохраняется в нетронутым виде» и что жизнь свое таки возьмет. «Люди не слышат шелест переворачивающихся страниц истории». Но страницы все-таки шелестят.

И потому, для новой России, он собирается засесть за новую книгу, об октябрьской контрреволюции 17-го года. А когда его спрашивают о том, как жить, когда все идет наперекосяк, во дни великой путаницы, он отвечает с высоты своих лет: «Что делать? Ребята, будьте честными. Не теряйте себя. Будьте людьми... Ты человек. Ты еще понадобишься сам себе. Ну, два года пройдет не в дугу. Но через два года ты будешь в дугу... Совестно не надо терять. И достоинства не потерять бы. А потом – не бояться. На страхе работают все властители».

Силы Яковлев черпает на родине. Его связь с Ярославским краем очень крепка. «В Ярославль я приезжаю каждый год. На душе здесь легче делается». Сестры. Красноткацкие окрестности. Педагогический университет. (Еще студентом он преподавал в нем – так случилось – топографию. И его даже хотели назначить заведующим кафедрой военно-физической подготовки...) Здесь ему хорошо думается о совсем уж, кажется, несбыточном будущем. Вот так, например: «Человечество должно жить в маленьких поселениях, а не в городах-каменоломнях».

Кстати, в Яковлеве, в его фигуре и повадке, есть что-то неистребимо крестьянское, унаследованное от ярославских дедов и прадедов. И вообще он по всему – ярославец до мозга костей, неотразимо яркое выражение ярославского культурного типа в великорусской народности.

Земляк, словом.
Евгений ЕРМОЛИН.